

Голубков Андрей Васильевич

"ОПЫТЫ" М. ДЕ МОНТЕНЯ: МЕЖДУ МИЗОГИНИЕЙ И ГАЛАНТНОСТЬЮ

Статья посвящена анализу амбивалентных представлений о женщине в "Опытах" М. де Монтеня, в которых обнаруживаются как откровенно женоненавистнические высказывания в русле традиционной, восходящей к Античности патриархальной системы ценностей, так и суждения, предвещающие ценности аристократической галантной культуры. Противоречивые взгляды Монтеня, совмещающие мизогинию и прото-феминистские идеи, оказываются следствием культурной ситуации "Осени Возрождения".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/1-2/4.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 1(67): в 2-х ч. Ч. 2. С. 21-23. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

**THE NATIONAL PECULIARITIES OF THE EURASIAN INTEGRATION PROCESSES COVERAGE
IN MASS MEDIA OF THE STATES-PARTICIPANTS OF THE EAEU**

Gal'tsina Dar'ya Aleksandrovna
Saint Petersburg University
daria.galtsina@gmail.com

The article is devoted to the activity of the mass media of the Eurasian Economic Union (EAEU) countries in the aspect of coverage of the Eurasian integration development and deepening. The content of 70 largest mass media of Belarus, Kazakhstan and Russia is examined. The paper analyzes the peculiarities of information presentation in the media by the states-participants of the EAEU. The author identifies the causes, determining them. The differences in the content of media materials of three of the founding members of the EAEU are revealed.

Key words and phrases: Eurasian Economic Union; mass media; integration; Eurasian integration; mass information.

УДК 82-4

Статья посвящена анализу амбивалентных представлений о женщине в «Опытах» М. де Монтеня, в которых обнаруживаются как откровенно женоненавистнические высказывания в русле традиционной, восходящей к Античности патриархальной системы ценностей, так и суждения, предвещающие ценности аристократической галантной культуры. Противоречивые взгляды Монтеня, совмещающие мизогинию и прото-феминистские идеи, оказываются следствием культурной ситуации «Осени Возрождения».

Ключевые слова и фразы: галантность; положение женщин; мизогиния (презрение к женщинам); М. Монтень; К. Гален; Б. Кастильоне.

Голубков Андрей Васильевич, к. филол. н.
Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук, г. Москва
Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва
andreygolubkov@mail.ru

«ОПЫТЫ» М. ДЕ МОНТЕНЯ: МЕЖДУ МИЗОГИНИЕЙ И ГАЛАНТНОСТЬЮ

Большинство исследователей, изучающих творчество М. Монтеня, традиционно указывают на присущее «Опытам» непостоянство, выражающееся в противоречащих друг другу суждениях, обнаруживаемых буквально в пределах одной страницы текста. Сам Монтень, как известно, неоднократно отмечал свойственную его произведению маньеристическую (как бы мы сказали сейчас) узаконенную конфликтность, которую далее мы предполагаем проиллюстрировать на примере его отношения к женщинам.

В эссе «О раскаянии» [3] мы находим фразу, в которой воплощается патриархальная мизогиния Монтеня. Содержание фразы не настолько интересно для нашего сюжета, как ее построение, выражающееся в синтаксическом параллелизме двух действий, производящихся в быту неким ремесленником: «Мы гораздо легче можем представить себе восседающим на стульчаке или взгромоздившимся на жену какого-нибудь ремесленника, нежели вельможу, внушающего почтение своею осанкой и неприступностью. Нам кажется, что с высоты своих тронов они никогда не снисходят до прозы обыденной жизни» [3, с. 25]. «Проза обыденности» Монтенем редуцируется до двух физиологических действий «восседающего» и «взгромоздившегося» мужчины, заключающихся в испражнении и сексуальном контакте с супругой. Такое, пусть даже синтаксическое, соположение объектов и процессов оказывается свидетельством сближения «половых» и «пищеварительных» рядов, которые, будучи проявлениями телесного низа, уравниваются в своей значимости. Женщина, описанная здесь Монтенем как часть спальни, оказывается, подобно стульчаку, лишь удобным способом реализации мужского желания. Монтень фактически сводит женщину исключительно к ее физиологической функции: «В соответствии с теми особенностями, которыми их [женщин] наделила природа, им не дано выражать свои чаяния и желания, – их доля терпеть, подчиняться и уступать, <...> их час бьет в любое мгновение, дабы они были неизменно готовы, когда бы ни пробил наш час, – *pati natae*» [Там же, с. 103] (Монтень использует выражение Сенеки – «рожденные для подчинения»).

Несовершенство женщины, ее подчиненное состояние, сведенное к функциональности, оказываются распространенными и крайне популярными доксами на Западе. Женщина издавна рассматривалась как существо неполноценное и отрицательное; согласно пифагорейцам, она теневая, лунная сторона космоса, противоположная мужской – солнечной и позитивной. Представленный Гесиодом в «Теогонии» и «Трудах и днях» образ первой женщины – Пандоры (т.е. «всем одаренной») – оказывается сугубо отрицательным: она «отравленный», зараженный подарок, преподнесенный мужчине разгневанным Зевсом, который жаждет мести после того, как Прометей передал огонь человечеству. В ней заложено все, чтобы нравиться, она вылеплена по образцам, которыми служили статуи самых красивых богинь, она с рождения умеет танцевать

и петь, однако со всеми своими прекрасными качествами она, наделенная хитрой и лживой душой, оказывается «прекрасным злом», а ее появление стало событием вроде ветхозаветного грехопадения, краха «золотого века». Физиологическая разница между мужчинами и женщинами оказывается, в соответствии с воззрениями Аристотеля, разницей онтологической и аксиологической: самец, олицетворяющий «движущую причину», оказывается началом высшим, божественным, духовным (рациональным), в то время как самка предстает началом материальным и низшим. Несмотря на декларируемую идентичную функциональность самки и самца в процессе порождения, Аристотель именно самца считает настоящим родителем; самка же оказывается местом хранения семени и вынашивания плода. Такая функциональность самки предопределяет женскую уязвимость, по мысли одного из самых значительных римских врачей – жившего во II в. Клавдия Галена, который подробно описал настоящий вопрос в своем капитальном труде «О назначении частей человеческого тела». Гален, во многом развивая мысли Аристотеля, полагает, что природа, создавая женскую репродуктивную систему, заботливо создала уникальную систему сохранения зародыша, который во время вынашивания должен находиться в комфортных условиях – в прохладе. Гален в своем сравнении репродуктивного аппарата самки и самца следует скорее стратегии разыскания сходства, нежели перечисления различий, он не стремится разработать для классификации женских органов собственные шкалы ценностей или просто рассматривать их в качестве самостоятельной системы. Гален детально описывает женскую половую систему как искажение и деформацию мужских органов, которые признаются за точку отсчета и абсолют нормы, в связи с чем женщина неизбежно оказывается изуродованным, неполноценным мужчиной: «Все части мужчины находятся также у женщины. Различие существует только в одном отношении, и это следует помнить в продолжение всего рассуждения, а именно, что части женщины внутренние, а части мужчины наружные, начиная от так называемой промежности. Представь себе мысленно, безразлично какие: выверни наружу органы женщины или выверни и сложи внутрь таковые мужчины, и ты увидишь, что все они совершенно сходны друг с другом» [1, с. 158-159]. Последовательное перечисление сходства частей мужской и женской репродуктивных систем приводит Галена к яркой метафоре, которая в медицинском дискурсе утвердилась на столетия. Женская физиология сравнивается им с «глазом крота», который потенциально устроен по тем же самым схемам, что и глаза других млекопитающих, однако из-за причуды природы или по прихоти Творца вся тщательно созданная глазная система оказалась скрытой за слоем кожи: глаза не раскрылись, остались недоразвитыми и не позволяют кроту видеть. Жизнедеятельность «изуродованной половины всего рода» оценивается в соответствии со схемами жизнедеятельности мужского организма, принятой за точку отсчета; Гален как будто утверждает мысль о том, что природа создала единственный пол, но изуродовала половину его представителей для того, чтобы обеспечить воспроизводство человека.

Греко-римско-арабская медицинская традиция была широко известна в средневековой Европе: уже в IX в. в Монтекассино Константин Африканский перевел с арабского на латынь трактат «Изагог» арабского ученого IX в. Хунайна ибн Исхака, который, в свою очередь, был переложением трудов Галена. Арабские версии Галена перелагались также и толедскими переводчиками XII в. во главе с Герардом Кремонским [2, с. 238], в связи с чем вся аргументация, связанная с «глазом крота», поистине была элементом тривиального знания (и Монтень, безусловно, владел данной аргументацией), а физиология оказывалась идеальным основанием ущемленного онтологического статуса женщины и надежным основанием мизогинии. Отношение к женщинам как к «почти-мужчинам» или же как к существам, безусловно, более низшего порядка встречается весьма часто, ярким свидетельством чему является примечательный пассаж из другой ключевой книги «Осени Ренессанса» – трактата-диалога «Придворный» итальянца Б. Кастильоне. В этом тексте рупором традиционалистского отношения к женщине оказывается один из участников диалога Гаспаро Паллавичино, который в третьей книге произведения, целиком посвященной спору о женщинах, высказывает широко распространенные полумедицинские доксы: «Это великий знак мужского совершенства и женского несовершенства – то, что всякая женщина имеет желание быть мужчиной из-за определенного природного инстинкта, который наставляет ее в стремлении к совершенству» [7, р. 247]. Некоторым новшеством кажется уточнение, содержащееся в реплике Джулио Маньифико, о том, что женщина стремится стать мужчиной, дабы не подчиняться той несправедливой власти, которую мужчины установили над Дамиами, хотя данную реплику можно рассматривать не как призыв к восстанию, но лишь как некое примирение с образами Герцогини Елизаветы Урбинской и Эмилии Пиа (супруга Антонио де Монтефельтро, брата Гвидобальдо де Монтефельтро, герцога Урбинского) и, быть может, проявление нарождающейся галантности.

Мизогинные цитаты Монтеня отражают тем не менее лишь одно из направлений работы его сознания. Внутри текстов «Опытов» обнаруживаются высказывания, рассматриваемые как манифест протофеминистского «галантизирующего» направления и свидетельствующие о знакомстве с женскими идеалами Кастильоне: «Так давайте научим Дам набивать себе цену, относиться к себе самим с уважением, доставлять нам развлечение и плутовать с нами <...> Нам должно нравиться, когда нас ведут, как это бывает в великолепных дворцах, через всевозможные портики и переходы, длинные и роскошные галереи, делая множество поворотов» [3, с. 99]. Монтень отстаивает систему ценностей, культивируемую при урбинском дворе Герцогиней: культивирование желания оказывается интереснее, нежели быстрое удовлетворение. В случае с монтеневскими «Опытами» мы становимся свидетелями одного из первых во французской культуре настоящих «гимнов» галантности и предвестием новой «салонной» традиции, которая выдвигала женщину на первый план.

Спустя три десятилетия после Монтеня французское дворянское общество стало быстро меняться как раз по тем лекалам, что были расчерчены Монтенем в последней фразе. Известно, что огромную роль в процессе галантизации дворянства изначально сыграла художественная литература, в частности – романы. Французский маньеристко-барочный роман, наивысшим воплощением которого оказалась «Астрейя» Оноре д'Юрфе (издание продолжалось с 1598 до конца 1620-х гг.; последние тома были дописаны Гомбервилем), содержит многочисленные рассказы пастухов и пастушек, которые предстают настоящими образцами галантного поведения. Как пишет К. А. Чекалов, «центральная сюжетная коллизия романа – разлука Астреи и Селадона вследствие ее ревности – возникает как раз из-за необходимости скрывать истинные чувства» [4, с. 175]. Известный немецкий социолог Н. Элиас справедливо отмечал, что «Астрейя» свидетельствует о кардинальном цивилизационном сдвиге, заключающемся в «превращении стороннего принуждения в самопринуждение, усиленное “формирование совести”»; это свидетельство «интериоризации» социального принуждения в форме морали, приводящее к моделированию социально приемлемых аффектов: «На этой ступени цивилизационного процесса появляются в то же время в качестве второстепенного приобретения известного рода удовольствие от откладывания любовных утех на будущее время, меланхоличная радость от своих собственных любовных страданий» [6, с. 317]. Перечисленные Элиасом черты любовного этоса как раз и слагают новый идеал поведения мужчины, который должен получать удовольствие от откладывания любовных утех на неопределенное будущее. «Астрейя», главный герой которой, Селадон, практически полностью редуцирует свою мужскую сущность, оказывается, согласно Элиасу, идеальным примером «моделирования аффектов» и редуцирует к тому, что уже именно женщина оказывалась центром культурной жизни, инстанцией смысла и культурных практик, судьей над мужчинами; такую ситуацию, сложившуюся к 1640-м гг. во Франции, К. Лужи посчитала возможной даже назвать «женской гипергамией» [8, р. 10]. Теперь уже женщина, по крайней мере, в пределах избранного аристократического сообщества, обладала преимуществом над мужчинами: монтеневское восклицание о том, что дамам необходимо «набивать себе цену», обрело конкретное воплощение.

Нестабильность в отношении к женщине, наличествующая в тексте Монтеня, оказывается ярким воплощением культуры «Осени Ренессанса», отмеченной грандиозными сдвигами в мировоззрении интеллектуальной элиты, которая оказалась в парадоксальной ситуации равновеликости и равнозначности абсолютно противоположных истин; в случае с Монтенем – это мизогиния, доставшаяся в наследство от предшествующей культуры, и зачатки галантности, предвещавшие культуру грядущую.

Список литературы

1. **Клавдий Гален.** О назначении частей человеческого тела. М.: Медицина, 1971. 555 с.
2. **Мандресси Р.** Вскрытие и анатомия // История тела: в 3-х т. / под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 1: От Ренессанса до эпохи Просвещения. С. 237-240.
3. **Монтень М.** Опыты: в 2-х т. М.: Терра, 1996. Т. 2. Кн. 3. 544 с.
4. **Чекалов К. А.** Маньеризм во французской и итальянской литературах. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. 208 с.
5. **Элиас Н.** О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2-х т. М. – СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. 336 с.
6. **Элиас Н.** Придворное общество: исследования по социологии короля и придворной аристократии. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.
7. **Castiglione B.** Il libro del Cortegiano. Torino: Einaudi, 1965. 391 p.
8. **Lougee C. C.** Le Paradis des femmes: Womens, Salons, and Social Stratification in Seventeenth-Century France. Princeton: Princeton UP, 1976. 256 p.

“THE ESSAYS” OF M. DE MONTAIGNE: BETWEEN MISOGYNY AND GALLANTRY

Golubkov Andrei Vasil'evich, Ph. D. in Philology
*M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
 Russian State University for the Humanities
 andreygolubkov@mail.ru*

The article analyzes ambivalent conceptions of woman in M. de Montaigne's "Essays" which contain both openly misogynistic statements in line with the traditional patriarchal value system dating back to antiquity and the opinions predicting the values of aristocratic gallant culture. Montaigne's contradictory views integrating misogyny and pro-feministic ideas are actually predetermined by "Autumn of Renaissance" cultural situation.

Key words and phrases: gallantry; woman's status; misogyny (contempt for women); M. de Montaigne; C. Galenus; B. Castiglione.